

Новая эра, 270 год, 6 марта.

Звездный Альянс выпустил экстренный указ, предписывающий адмиралу Линь Цзинхэну, командующему крепостью Серебряная, немедленно вернуться на столичную планету Вото для дачи показаний.

Линь Цзинхэн дерзко отказался подчиниться.

На следующий день первая полоса газеты Вото пестрела яростным заголовком: Линь Цзинхэн, ты что, решил поднять мятеж?

К концу марта крепость Серебряная была полностью блокирована. Пятсот тяжелых межпространственных мехов выстроились за пределами искусственной атмосферы. Элита крепости направила орудия на собственных соотечественников. Ни одна из сторон не желала отступать, и к ночи 26-го числа напряженное противостояние длилось уже почти сорок восемь часов.

Начальник личной охраны Лод тихо поставил на стол адмирала стакан рома со льдом и щелкнул каблуками.

Адмирал, стоявший у окна, щелкнул пальцами, приказывая охраннику остаться.

Линь, чье грозное имя гремело во всех восьми звездных системах, был высокого роста. Каждая деталь его облика — от волоска до пряжки ремня — была безупречна, а сам он излучал холодную, выверенную до мелочей отстраненность. Адмирал поднял бокал, бросил в него еще пару кубиков льда. На его левом ухе мерцал едва заметный отблеск — связь была активна, он с кем-то разговаривал.

Технологии связи шагнули далеко вперед: вызовы транслировались напрямую на личные нейроинтерфейсы. Чтобы передать сообщение, достаточно было лишь импульса мозга, так что нужды в словах не было, как и опасений, что кто-то третий услышит разговор. Окружающим оставалось лишь по выражению лица собеседника гадать, приветствие это или брань.

Однако Лод, безмолвно стоявший рядом, не мог прочесть на лице адмирала ровным счетом ничего.

Современное общество поощряло прямоту, открытость и искренность, поэтому старомодная закрытость Линя казалась крайне неуместной. СМИ и политические противники цеплялись за это, ежедневно публикуя статьи о его коварстве и высокомерии.

Адмирал завершил разговор, покатав во рту глоток алкоголя и невозмутимо произнес:

— Маршал звонил. Требуется стратегического компромисса — вернуться на Вото.

Лод замер.

— Стратегический компромисс, — с иронией повторил адмирал и, усмехнувшись, взмахом руки включил ленту новостей.

Все крупные СМИ Вото следили за напряженной ситуацией вокруг крепости Серебряная.

Новоиспеченный главный секретарь Гэ Дэн стоял перед зданием парламента на столичной планете, окруженный репортерами:

— Я был однокурсником, другом, а теперь и родственником генерала Линя. Клянусь своей карьерой, своей честью, всем, что у меня есть: преданность генерала Линя Вото не подлежит сомнению! Он никогда не предаст Вото, как и не предаст Альянс. Все сомнения в его верности — лишь злобные наветы!

Слушая эту пламенную речь, адмирал с хрустом разгрыз кубик льда.

— Цзинхэн, если ты меня слышишь, прошу, удели мне минуту, — главный секретарь проникновенно повернулся к камере. — Не позволяй беспочвенным обвинениям сбить тебя с толку. Не допусти, чтобы это недоразумение принесло радость врагам и горе близким. Возвращайся. Мы с Цзиншу ждем тебя на Вото. Цзинхэн, здесь твоя семья!

Камера на мгновение выхватила женщину, стоявшую рядом. В черном платье, без косметики, с мертвенно-бледной кожей, она казалась лишенной жизни, если не считать ярких, словно нарисованных тушью бровей. Однако в ее облике сквозила пугающая красота.

Линь Цзиншу была родной сестрой адмирала и год назад вышла замуж за Гэ Дэна, самого перспективного мужчину в семи звездных системах Альянса.

Госпожа Гэ, окруженная стражей, молчала. Ее взгляд был устремлен в пустоту, словно она была изящной куклой.

Адмирал остался равнодушен. Он повернулся к охраннику:

— Что думаешь о главном секретаре?

Лод, подбирая слова, ответил с осторожностью:

— Он видная фигура.

— Хм, фигура, это точно. Других изъянов нет, только вот от его речей у меня мурашки по коже. Тот, кто не знает ситуации, решил бы, что у нас с зятем роман, — Линь Цзинхэн усмехнулся, выключил экран и залпом допил остатки рома. — Слишком приторно.

Лод забрал пустой бокал и понизил голос:

— Генерал, не обращайте внимания на этот шум. Десять Стражей Серебряной готовы. Мы можем вступить в бой по первому вашему слову.

— Что, устроить мятеж? — Линь Цзинхэн бросил на него спокойный взгляд и вдруг спросил: — Лод, ты ведь выпускник Первой военной академии?

— Так точно, сэр! Я почетный выпускник Уланского института, набор 260-го года!

— Чем занимается твоя семья? Есть братья или сестры?

Лод был озадачен тем, что адмирал завел светскую беседу в такой момент, но ответил четко:

— Отец управляет медицинской клиникой, мать преподает в Уланском институте. У меня есть старший брат и младшая сестра.

Линь Цзинхэн усмехнулся.

Готовы вступить в бой...

Глупый мальчишка, как легко ему это дается. С кем воевать? С собственными родителями и братьями, которыми ты так гордишься?

Первую военную академию называли Уланским институтом. Хотя она считалась колыбелью высшего офицерского состава, лишь единицы после выпуска попадали в крепость Серебряная.

Помимо высочайших требований к успеваемости, политические игры верхушки привязывали место распределения к месту прописки выпускника — якобы из гуманитарных соображений, чтобы солдаты были ближе к дому. Крепость Серебряная, как ключевой военный объект первой звездной системы, принимала только тех, у кого была местная прописка. Большинство из них были выходцами из обеспеченных семей: дети богатых торговцев, профессоров, светских львов или даже политиков.

Это создавало сложную политическую экосистему в крепости, делившую гарнизон на два лагеря.

Первый — элитные части, которые бок о бок с адмиралом Линем охотились на космических пиратов. Их называли Десятью Стражами Серебряной, и составляли они около десятой части гарнизона. Десять Стражей были так же печально известны, как и их командующий: кучка космических негодяев, которые постоянно попадали в скандалы, развлекая публику. Кто-то поговаривал, что их борьба с пиратами была не чем иным, как методом «борьбы ядом против яда».

Остальные офицеры и солдаты были «золотыми мальчиками» из Уланского института. За каждым из них стояла сложная сеть семейных связей и интересов, опутывавшая их верность и гарантировавшая крепости Серебряная статус неприступной цитадели.

Линь Цзинхэн махнул рукой начальнику охраны:

— Принеси мне парадный мундир. Разошли посты на пути следования: я завтра отправляюсь на Вотю.

Лод был поражен:

— Сэр...

— Маршал приказал, просит стратегического компромисса. Чего еще вы хотите? Всем силам крепости Серебряная... — Линь Цзинхэн сделал паузу, глядя в окно. Тысячи звездных кораблей были нацелены на незваных гостей за пределами искусственной атмосферы. Их холодный механический блеск напоминал стаи серебристой рыбы в океане, чьи блики отражались в серых глазах адмирала.

Он снял перчатки и бросил их в сторону:

— Разоружиться.

На следующий день звездный корабль Цзинъюань, словно одинокая лодка в безбрежном море, покинул крепость Серебряная. Механический флот, до этого угрожающе нависший над искусственной атмосферой, расступился, безмолвно провожая взглядом спину этого военного диктатора, покидающего сцену.

Невооруженным кораблям запрещалось устанавливать прыжковые двигатели. По стандартному протоколу путь от крепости до столицы занимал тринадцать дней и пролегал через шесть контрольно-пропускных пунктов.

На четвертый день, проходя рядом со звездной системой Сима, Цзинъюань попал в метеоритный поток. Корабль собирался совершить маневр, чтобы избежать столкновения, но Четвертая гвардия столичной планеты, считавшая Линь Цзинхэна главной угрозой, запаниковала, не получив корабль в расчетное время. В течение суток они отправили двенадцать предупреждений первого уровня, требуя немедленного прибытия.

Цзинъюань был вынужден изменить курс и войти в Розу Сердца — единственную запретную зону первой звездной системы, которую люди так и не решились исследовать.

6 апреля 270 года новой эры, на окраине Розы Сердца, Цзинъюань был атакован скрывавшимися там пиратами. Адмирал Линь Цзинхэн погиб, корабль был уничтожен.

Когда новость достигла столицы, общественность пришла в ярость. Десять Стражей

Серебряной подняли мятеж, крепость была парализована. Маршал, потеряв любимого генерала, в бешенстве швырнул заявление об отставке на стол совета Альянса. В это же время, как назло, пиратская группировка, которую десять лет назад Линь Цзинхэн изгнал из восьми систем, учуяла слабость и вернулась, атаковав гражданские пути шестой системы. Военное ведомство, погруженное в хаос, отреагировало с огромным опозданием, что привело к многочисленным жертвам среди мирного населения.

Эта череда событий вошла в историю как Смута Серебряной.

Начиная с шестой системы, массовые протесты, словно эпидемия, распространялись от одного прыжкового узла к другому.

Под колоссальным давлением Вото пришлось изменить риторику. Сначала они умиротворили военный комитет, а затем начали делать вид, что никакого принудительного отзыва Линь Цзинхэна никогда не было. Правительственные СМИ дружно страдали амнезией: сколько места они уделяли проклятиям в адрес адмирала, столько же теперь тратили на восхваление его памяти.

«Коварный» адмирал в одночасье превратился в достояние человечества, став образцом величия, славы и справедливости.

На Вото прошли грандиозные похороны. Парадный мундир адмирала, который он никогда не носил, занял место своего владельца в столичном мемориале павших героев. Билеты на церемонию продавались по баснословным ценам, а сам адмирал из-за невероятной стоимости собственной смерти даже попал в Книгу рекордов Гиннеса — случай, когда человек прославился именно своей кончиной.

В день похорон Линь Цзиншу, облаченная в черную вуаль, принимала соболезнования от высокопоставленных лиц. Даже в такой обстановке эта знаменитая красавица Вото оставалась спокойной и элегантной, ее образ был безупречен.

Она была так красива — все, кто видел ее, не могли не восхититься — и так бездушна.

Подошел главный секретарь Гэ Дэн. Линь Цзиншу, подобно повилике, обвила руку мужа, покорно принимая его заботу. Она позволила ему поправить на себе траурную шляпку, затем тихо села, демонстрируя окружающим взгляд, полный обожания и зависимости. Слушая скорбную речь Гэ Дэна, она время от времени доставала платок и символически прикасалась к уголкам глаз.

Репортеры покрутились вокруг нее некоторое время и разошлись, разочарованные: поза госпожи Гэ ничем не отличалась от той, что была на прошлой благотворительной ярмарке против выбрасывания домашних питомцев в открытый космос. Она была настолько элегантно-скучной, что ее можно было использовать в любом репортаже.

Журналисты разбредлись, но Линь Цзиншу осталась неподвижна.

Подобно цветку, любующемуся собой в одиночестве, она продолжала цвести на ветру, независимо от того, смотрел ли кто-то на нее.

В этот момент «цветок» с глазами, полными слез и улыбкой на губах, чьи черты лица, казалось, были озарены светом человеческой цивилизации, глядя на захлебывающегося от фальшивой скорби Гэ Дэна, подумала: «Я заставлю тебя заплатить жизнью».

С тех пор как человечество вступило в эру новой эры, прошло более двухсот лет мира. И теперь этот хрупкий, словно отражение луны в воде, мир дал жуткую трещину.

<http://bllate.org/book/19100/1875995>